

Жун Сиань не знала, что в сердце Е Вэньчуня и Су Сюаня она превратилась из черно-белого политика в ребенка, который не может жить без отца.

Она услышала слова Су Сюаня, и изгиб ее рта не опустился. Хотя слабая улыбка была теплой, она вызывала чувство подавленности, что заставляло людей испытывать грусть.

"Он был в Сяо Цяньцзе более десяти лет ради меня. I ..." Жун Сянь опустил веки, длинные ресницы скрыли истинные эмоции в его глазах. "Я не хочу, чтобы он терял что-то ради меня".

Эти слова говорили о том, что отъезд Чжэнь Чжэня был вызван не ею.

После ухода Чжэнь Чжэнь она не стала бы мешать Ронг Сиану. Ронг Сиань слишком поздно обрадовалась, как она могла не хотеть.

Но она не могла сказать это своим подчиненным. Она заварила свои чувства и сказала: "Мне всегда кажется, что мы с ним не увидимся".

Видя, что Его Королевское Высочество находится в таком плохом настроении, как он мог, будучи придворным, не проявить инициативу и не поделиться своими переживаниями.

Е Вэньчунь взглянул на Ронг Ю и жестом велел ученику, у которого, похоже, самые близкие отношения с Его Королевским Высочеством, утешить и успокоить Его Высочество.

Ронг Ю нахмурилась, сняла змею с головы и беззвучно играла с ней, делая вид, что сейчас не слышит и не видит.

Если Мастер действительно такой хрупкий и безобидный, то мало кто в мире будет бояться Мастера.

Е Вэньчунь посмотрел на этого парня, который игнорировал настроение Хозяина и не знал, как утешить Хозяина, чтобы тот играл сам по себе. Он был немного зол и чувствовал что-то неладное.

Но он не понимал, что именно не так, поэтому он мог только сделать шаг вперед: "Ваше Высочество, пожалуйста, позаботьтесь о своем теле. Когда вы достигнете Чжун Цяньцзе, мы снова увидимся".

Ронг Сянь вздохнул, и, казалось, его тон был бесконечно печальным, а затем, казалось, люди вокруг него испугались и быстро сошлись.

Оглянувшись, он посмотрел на них с небольшим извинением: "Я понимаю, пусть Е Сян и мастер Су беспокоятся за меня. "

Е Вэньчунь с улыбкой сузил глаза и сказал: "Это честь для Вэйчэня - помочь Его Высочеству."

Он был весьма эмоционален, он думал, что кронпринц будет неприемлем, и никогда не думал, что кронпринц на самом деле милый и послушный.

Не спрашивайте, насколько могущественным будет лорд в будущем, просто попросите не медведя.

Императорская наложница только что оправдала его ожидания. Неужели ты не понимаешь, что такое государственные дела? Неважно, быть талисманом - это все хорошо, на все есть он и министры.

Недостаточно силен? Неважно, Су Сюань, сотрудник отдела государственной инспекции, охраняет день и ночь, чтобы даже мухи не могли приблизиться к Его Королевскому Высочеству.

Пока Его Королевское Высочество такой умный и рассудительный, требования столь низки!

После вознесения Ронг Сяня, Е Вэньчунь задумался над его мыслями в это время и слишком мило рассмеялся.

"Пойдем, посмотрим на него, это только добавит грусти". Ронг Сянь повернулся и пошел вниз с горы, за ним последовали Е Вэньчунь и Су Сюань.

Ронг Ю кивнул головой Сяо Змею и тихо спросил, "Сяо Цзинь, как ты думаешь, что хочет сделать Учитель?".

Что интересного в игре с двумя взрослыми, они наверняка будут работать вместе в будущем, и Мастер не боится опростоволоситься.

Змея Сяо: Пожалуйста, называйте змею А Цзинь, спасибо.

Ронг Юй не мог понять, что говорит змея, и продолжил: "Сяо Цзинь, как ты думаешь ...".

"Юэр." Слабый голос не был услышан, и Ронг Юй быстро последовал за ним.

В клане Ронг, Цзо Хуфа надолго застыл перед гробом, вырезанным из **** в Куньшане. Священное и ностальгическое выражение бескорыстного и безвольного нежелания на его лице менялось очень быстро, и он наконец остановился на воспоминании.

Сяо Цзин, прошло 1616 лет, я так скучаю по тебе.

Шло время, и мне становилось все страшнее и страшнее. Цветок, символизирующий новую жизнь, не дал тебе жить, и твои следы в этом мире медленно стирались временем.

Сяо Цзин, боюсь, никто больше не вспомнит о тебе.

Он поднял голову, и в его святых и сострадательных глазах появилась капелька воды, а слезы были горестными, как у бодхисаттвы, видящего страдания в мире и смерть простых людей, отчего людям казалось, что его душа поет песнопение.

Он легонько погладил гроб, как нежное, покрасневшее лицо любимой девушки.

Уголки его губ посветлели, и негромко зазвучало сладкое и нежное пение.

Чистый голос певца мягко разносился по кладбищу, и людям казалось, что они видят голубое небо и белые облака, девушку, собирающую семена лотоса по другую сторону лодки-навеса, и властную и сияющую улыбку.

Сладкая и нежная, мелодия извилиста, но это извилистый сон, шаг за шагом грустный, печальный.

Это песня в жертву мертвой душе, печальная и тихая.

В конце песни водяной туман в его глазах сгустился, и он не смог его сдержать.

Нежно поглаживая гроб, юноша, оплакивавший жалкую пылинку, сказал: "Эти люди уже попали в ад, и там бодхисаттва будет наказывать их преступления. Сяо Цзин, я очень хочу пойти с тобой, но я..."

Его голос слегка захлебнулся: "Все эти годы мои руки были испачканы кровью, и я предал своего Будду".

Он с болью произнес: "Если я умру, то это будет ад, но ты должна быть в Элизиуме. Сяо Цзин, я не боюсь ни смерти, ни ада, но я боюсь, что не увижу тебя, даже если умру".

Молодой человек подсознательно перебирал четки на своих руках, его рот был полон горечи: "Будда сказал, что повернуть назад - это берег. Если я поверну назад, чтобы искупить свою вину, будет ли день из ада, увижу ли я тебя снова?".

Сяо Цзин, я и без тебя знаю, что самое главное в этом мире - не Будда, а твое высокомерное и радостное "нет Я".

После посещения любимой девушки, Цзо Хуфу неохотно покинул кладбище, прошел к месту, где находились реликвии клана Ронг, и взмахом руки поместил все вещи в кольцо, после чего направился к внешней стороне гробницы.

Покинув главное кладбище, Уву остановился перед Цзюцюанем.

Он слегка поклонился, протянул руки и беззаботно выпил, на кончике языка вспыхнул знакомый аромат, а в сознание ударило огромное пустое пространство.

Я без улыбки покачал головой и с горькой усмешкой сказал: "Беспокойство никогда не бывает бесполезным для меня, а мы с Сяо Сянем жалки".

Он лучше других знал о действенности беззаботности, ведь это была его вина.

Когда Сяо Цзин умер, он вылил вино в реку, и сидел у реки, наблюдая, как те ребята, будь то монахи или смертные, заканчивали без забот, один за другим забывая о тревогах.

Только у него и Сяосянь, беззаботность так и не сработала.

Потому что это воспоминание настолько незабываемо, что его невозможно стереть.

Он протянул руку и достал винный кувшин. Горлышко тыквы было направлено на Цзюцюаня, кончики пальцев обдало аурой, вино Цзюцюаня сконденсировалось в тонкую струйку и полетело в тыкву.

Четыре черных ворона, охранявшие гробницу снаружи, скучали и играли в шахматы, но Цзян Цзинь и Бай Сонг играли в шахматы вместе. Черный ворон был таким же беспокойным, как и два мальчика, но Чэнь Яня это не волновало. Боевое искусство "смотреть на шахматы, не говоря ни слова" командовало тут и там, и Цзян Цзинь, который был невыносим, был побит несколько раз.